

Дневник Старца и его учеников

15-го Мая № 10. 1908 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

О ВОСКРЕСЕНІИ.

(По Мережковскому).

Исходнымъ пунктомъ для Мережковскаго въ его разсужденіяхъ о воскресеніи служитъ положеніе, что религіозное сознаніе человѣка необходимо требуетъ, чтобы жизнь наша была абсолютной, чтобы характеръ ея былъ царственный, побѣдоносный, и чтобы смерть была предъ нею безсильна. Само собою понятно, что жизнь не можетъ имѣть такого характера, если наряду съ нею — существуетъ и смерть. При наличности смерти жизнь не побѣдоносна, не абсолютна, не имѣетъ религіознаго смысла, и человѣкъ не знаетъ даже, стоитъ ли ему „принять міръ“.

И тогда жизнь не абсолютна, когда смерть существуетъ не какъ эмпирическій фактъ, а только какъ „метафизическая возможность“.

Пусть люди эмпирически не умираютъ, но если — тѣмъ не менѣе — смерть для нихъ возможна, хотя бы „на потаеннѣйшихъ предѣлахъ пространства и времени“, то жизнь не абсолютна и для религіознаго сознанія бессмысленна.

Совершенно наоборотъ — если бы всѣ люди эмпирически умирали, но если бы кто-нибудь, хотя бы одинъ изъ всѣхъ людей, жившихъ когда-либо на землѣ, не умеръ и ли вернулся бы изъ смерти въ жизнь, то жизнь получила бы абсолютное, религіозное значеніе.

Въ данномъ случаѣ — безсмертіе

емъ одного упразднялась бы смерть всѣхъ, ибо этимъ безсмертіемъ поражался бы самый законъ смерти и реальность бытія смѣнялась бы реальностью бытія. Жизнь получала бы тотъ побѣдоносный и вѣчный характеръ, какой теперь имѣетъ смерть. И если бы,—утверждаетъ Мережковскій,—„люди знали, что одинъ изъ нихъ умеръ и воскресъ, знали такъ же точно и неотразимо, какъ они знаютъ, что всѣ жившіе умерли; то это знаніе преобразило бы весь человѣческій міръ—внѣшній и внутренній, созерцательный и дѣятельный—науку, искусство, нравственность, полъ, общественность,—все до послѣдней клѣточки нашего организма, до послѣдней отвлеченности нашего мышленія“.

Когда-то у людей (разумѣются апостолы, мученики, первеведствующіе христіане) было такое точное и неотразимое знаніе о воскресеніи Одного, и все, что сдѣлано христіанствомъ, сдѣлано именно въ силу этого знанія. Что же касается современнаго человѣчества, то оно забыло объ истинѣ воскресенія одного Человѣка. Эту истину находятъ теперь даже противорѣчащей разуму. Но какому—собственно—разуму?—спрашиваетъ Мережковскій. Чистому, критическому разуму возможность воскресенія противорѣчить не можетъ, потому что этотъ разумъ изслѣдуетъ лишь свои собственные, внутренніе законы, какъ законы познанія. Критическому разуму возможность воскресенія противорѣчить такъ же мало, какъ и возможность смерти, возможность рожденія. Очевидно, возможность воскресенія противорѣчить разуму чувственному, опытному. Невѣрующій въ воскресеніе Христа не вѣритъ собственно потому, что онъ знаетъ по опыту, что никто никогда изъ умершихъ не воскресалъ. Рыбаки галилейскіе опытно знали, что Иисусъ воскресъ, они видѣли и осязали Его воскресшаго. Но что значитъ—полагаетъ современный невѣрующій человѣкъ—что значитъ опытъ ничтожной горсти людей въ сравненіи съ опытомъ всего че-

ловѣчества, облеченнаго во всеоружіе научнаго знанія? Последній безконечно вѣроятнѣе перваго.

Но, во первыхъ, — замѣчаетъ Мережковскій — вѣроятность — хотя бы и безконечная, — еще не достовѣрность, а во вторыхъ — опытный разумъ изслѣдуетъ то, что *есть* и *было*, по даннымъ лишь частичнымъ и несовершеннымъ, а потому и заключенія его о томъ, что *будетъ*, также только частичны и несовершенны. И „величайшее открытіе самого же опытнаго разума — законъ эволюціи — обнаруживаетъ непостоянство каждаго даннаго мірового порядка и постепенные переходы міра отъ одного состоянія къ другому... отъ настоящаго извѣстнаго къ неизвѣстному будущему. О содержаніи и предѣлахъ возможностей, скрытыхъ въ этомъ неизвѣстномъ будущемъ, *опытный разумъ заключать не можетъ*, за отсутствіемъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ строить свои заключенія, т. е. именно опытныхъ данныхъ; онъ только знаетъ, что есть то, чего не было, и будетъ то, чего нѣтъ. Не было органическаго состоянія матеріи, оно есть; *будетъ ли еще иное, дальнѣйшее, этого онъ знать не можетъ*, не выходя изъ предѣловъ, которые полагаетъ ему разумъ критическій“.

Однимъ словомъ, противорѣчіе между разумомъ и возможностью воскресенія есть лишь кажущееся. Оно обусловливается не вѣчными гносеологическими законами чистаго разума, а ограниченностью того научнаго опыта, какой можетъ быть почерпнуть изъ современнаго порядка міра. На вопросъ: возможно или невозможно воскресеніе — собственно чистый разумъ не даетъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, потому что этотъ вопросъ не входитъ въ область критики познанія. Но глубочайшая религіозная воля и высочайшее религіозное сознаніе требуютъ признанія не только возможности воскресенія, но и его реальной необходимости, ибо иначе жизнь не имѣетъ смысла.

Что нибудь одно: „или последняя цѣль всего мірового процесса — небытіе, нирвана, — или Христосъ воистину вос-

крестъ“; или нѣтъ никакого примиренія между человѣческой волей, требующей абсолютности жизни, и разумомъ, эту абсолютность отрицающимъ, или „Христость воистину воскресъ“; „или весь міръ—безуміе, проклятіе и хаосъ, и человѣкъ—жертва этого безумія, — или Христость воистину воскресъ“*).

Н. Волж — нъ.

О порядкѣ благоустройства прихода.

Вопросъ о благоустройствѣ и оживленіи современнаго русскаго православнаго прихода въ смыслѣ повышенія его церковно-религіозной жизни нынѣ служитъ злостодневнымъ предметомъ сужденій литературы и не сходитъ со страницъ ея. Сужденія эти разнообразны, иногда другъ другу противорѣчивы, а иногда крайне односторонни. Къ послѣднимъ можно отнести статью г. Новоселова, помѣщенную въ № 7 Церковныхъ Вѣдомостей

*) Примѣчаніе. Аналогичныя мысли и даже въ аналогичныхъ выраженіяхъ проводитъ Мережковскій и въ прочитанномъ имъ 12-го января текущаго года въ парижскомъ „Обществѣ ученыхъ“ рефератѣ о творествѣ Леонида Андреева. Этотъ рефератъ напечатанъ въ январской книгѣ „Русской Мысли“ подъ названіемъ „Въ обезьяньихъ лапахъ“. (Въ началѣ реферата Мережковскій вспоминаетъ дѣтскую сказку о томъ, какъ обезьяна, подглядѣвъ, что мать ласкаетъ ребенка, украла его изъ люльки и заласкала до смерти. Также—проводитъ Мережковскій параллель—заласкали и Андреева его не въ мѣру горячіе поклонники и поклонницы. Отсюда—смыслъ характернаго названія „Въ обезьяньихъ лапахъ“). Главнымъ недостаткомъ творчества Андреева Мережковскій считаетъ отсутствіе у него свѣтлыхъ, положительныхъ идеаловъ, отсутствіе надежды на лучшее будущее человѣчества. Андреевъ мрачными, кровавыми красками изображаетъ только ужасы (въ „Жизни Василя Овсейскаго“ нѣтъ ничего, кромѣ сплошнаго нагроможденія ужаса на ужасъ), представляя, что въ этихъ ужасахъ кроется подлинная трагедія жизни. На самомъ же дѣлѣ,—говоритъ Мережковскій,—въ ужасѣ, какъ таковомъ, еще нѣтъ трагедіи. „Трагедія начинается тамъ, гдѣ есть борьба, а борьба начинается тамъ, гдѣ есть надежда преодолѣть слѣпую судьбу“, поборотъ жизненные ужасы. У Андреева же нѣтъ никакой трагедіи“. Надежда же на лучшее будущее возможна лишь при вѣрѣ въ воскресеніе Христа и въ наше личное безсмертіе. Только при этой вѣрѣ возможна жизнь въ собственномъ смыслѣ. Иначе—есть только та тьма, какая ввображена Андреевымъ въ произведеніи подъ такимъ же названіемъ. Если Христосъ не воскресъ, то правъ Андреевъ: человѣчество не болѣе, какъ „проклятое мясо“, „гниющая падала“, надъ которой „пьяныя старухи“,—исчадія хаоса,—справляютъ гнусную тризну дикой пляской и хохотомъ“. И если въ этомъ случаѣ чѣмъ остается утѣшаться людямъ, такъ только надеждой на безсмертіе во всемъ живущемъ, въ памяти людей, въ своихъ дѣлахъ и твореніяхъ. Но вѣдь утѣшаться такимъ безсмертіемъ,—говоритъ Мережковскій,—все равно, что кормить голоднаго дарисованнымъ хлѣбомъ. И не лучше ли смерть, чѣмъ такое безсмертіе? Въ послѣднихъ произведеніяхъ Андреева („Къ звѣздамъ“, „Савва“, „Жизнь челоѣка“) Мережковскій находитъ „прикосновеніе общественности къ религіи“ и въ этомъ полагаетъ главное достоинство его твореній. Правда, пока это „прикосновеніе“ запечатлѣно чисто отрицательнымъ характеромъ, но Мережковскій надѣется, что Андреевъ, первый вспомнившій и заговорившій въ литературѣ о Христѣ въ революціонную пору, первый же и обратится къ Нему, признавъ истину Его воскресенія.